

Доброноженко Галина Федоровна

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОДНОСЕЛЬЧАН В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В 20-Е ГОДЫ XX В.

На основе анализа документов, вышедших из крестьянской среды (писем в газеты, жалоб и прошений в органы власти, протоколов сельских сходов), рассматриваются особенности социально-психологического типа мышления крестьян, взгляды сельского сообщества на социально-имущественные различия, интерпретацию источников бедности и богатства, особенности восприятия эксплуатации. Раскрыты критерии социальной дифференциации, которые выделяли сами крестьяне и оценивали на их основе социальное положение односельчан, выявлены социальные типы, в существование которых верили члены крестьянского общества. Показана трансформация взглядов крестьянского сообщества в условиях новых социально-политических реалий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 75-79. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

**“COGNIZE YOURSELF”: DEPARTMENT OF GEOGRAPHY
AND ETHNOGRAPHY OF KAZAN IMPERIAL UNIVERSITY**

Gushchina Elena Gennad'evna
Kazan (Volga Region) Federal University
egguschina@mail.ru

The article basing on archival materials reveals the history of ethnographic knowledge development in Kazan University. The author considers the basic directions of the Geography and Ethnography Department activity, in the first place, the activity of P. I. Krotov and B. F. Adler in training ethnographers and their contribution to the development of ethnography at Kazan University. A separate plot is devoted to the accumulation of the collections of the Ethnographic Museum and to the role of P. I. Krotov in acquiring a collection from the funds of Umlyauff, as well as the activity of B. F. Adler as a major museologist.

Key words and phrases: history of science; ethnography; Department of Geography and Ethnography; specially equipped room of geography; development of education.

УДК 316.342(323.325)

Исторические науки и археология

На основе анализа документов, вышедших из крестьянской среды (писем в газеты, жалоб и прошений в органы власти, протоколов сельских сходов), рассматриваются особенности социально-психологического типа мышления крестьян, взгляды сельского сообщества на социально-имущественные различия, интерпретацию источников бедности и богатства, особенности восприятия эксплуатации. Раскрыты критерии социальной дифференциации, которые выделяли сами крестьяне и оценивали на их основе социальное положение односельчан, выявлены социальные типы, в существование которых верили члены крестьянского общества. Показана трансформация взглядов крестьянского сообщества в условиях новых социально-политических реалий.

Ключевые слова и фразы: объективистская и конструктивистская методологии; стереотипы крестьянского мышления; социальная идентичность; бедняк и кулак в массовом крестьянском сознании; «союзики» и «враги» советской власти.

Доброноженко Галина Федоровна, д.и.н., доцент
Сыктывкарский государственный университет
g_dobronozhenko@mail.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ОДНОСЕЛЬЧАН В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В 20-Е ГОДЫ XX В. ©**

Характер дискуссий о социальной структуре крестьянства в 1920-е гг., развернувшихся в новейшей историографии, был сформулирован В. П. Даниловым: «что представлял собой бедняк, середняк и кулак в советской деревне: были ли они реальными социальными фигурами, или же мы имеем дело всего-навсего с идеологическими персонажами, мифами?» [14, с. 31]. В этой формулировке обозначены два методологических подхода к анализу социального неравенства в постреволюционной деревне.

Сторонники объективистской методологии, анализирующие социальное неравенство на основе экономических признаков (размер имущества и величина дохода) и отношений эксплуатации-зависимости, придерживаются мнения о дифференциации крестьянства на «социально различающиеся слои, среди которых были и эксплуатируемые, и эксплуатирующие»; «кулак, середняк и батрак были реальными, а не мифическими фигурами» [8, с. 11, 12, 49; 14, с. 33]. «Конструктивисты», отрицающие социально-экономический (в их интерпретации – «классовый») характер дифференциации, применяют градационный (одномерно стратификационный) подход: социальные группы различаются исключительно на основе экономических признаков: размер имущества и доход. Для «конструктивистов» характерно утверждение, что сельские эксплуататоры были раскулачены в период «воинствующего коммунизма» и в 1920-е гг. «в деревне были только зажиточные трудовые крестьяне» (кулак – это «идеологический персонаж») и взгляд на бедноту как на деклассированный слой, включающий в свой состав исключительно бездельников, лентяев, пьяниц [11, с. 67-68; 13, с. 149; 22, с. 6; 23]. Основным эмпирическим материалом, на котором выстраивается система аргументов «конструктивистов», являются высказывания крестьян или местных работников, в которых они называют всех маломощных крестьян «лодырями» и отрицают существование в нэповской деревне эксплуататоров (буржуев).

Цель статьи – рассмотреть особенности социально-психологического типа мышления крестьян и взгляды сельского сообщества на социально-имущественные различия, критерии социальной дифференциации, которые выделяли сами крестьяне и оценивали на их основе социальное положение односельчан, определить те социальные типы, в существование которых верили сами члены крестьянского общества.

Исследователь, изучающий документы 1920-х годов, вышедшие из крестьянской среды (письма в газеты, жалобы и прошения, протоколы сельских сходов), сталкивается с множеством различных терминов, используемых в крестьянской лексике для взаимной идентификации: маломощный, неимущий, бедняк, середняк, лодырь (лентяй), труженик, трудовик, зажиточный, богатей, кулак, буржуй и пр. Это многообразие социальных типов связано со сложными, многоуровневыми представлениями крестьян о причинах социального неравенства, в которых переплетались, сосуществовали «старые», дореволюционные и «новые», привнесенные революцией, взгляды.

Можно выделить несколько основных дифференцирующих критериев, которые лежали в основе определения социального облика односельчан: 1) отношение к труду; 2) имущественное положение; 3) источники «достатка» (богатства); 4) экономическое поведение и стратегия хозяйствования; 5) «психология», «душа»; 6) «настроения» и «отношение к советской власти». Не существует «чистой» связи, однозначной корреляции между дифференцирующими критериями и перечисленными выше социальными типами: «бедняк» не обязательно «трудолюбивый», «труженик» может быть и бедным и богатым, «лентяй» – не всегда «бедняк».

В основе социального неравенства, в представлении крестьян, лежало отношение к труду; основными социальными типами являются «трудолюбивые» и «нетрудолюбивые» («лодыри»). «Лодыри, – по словам крестьян, – есть во всех прослойках». В деревне выделяли несколько основных разновидностей (типов) «лодырей»: бедняки-лентяи и крестьяне, «отлынивающие от крестьянского труда», в том числе эксплуататоры (кулаки, буржуи). Бедняк-лентяй – это крестьянин, который «не любит и не хочет работать», «землю мучит, а не обрабатывает», «все у него в хозяйстве неладно, все не хваток»; лодырь «хващает своим бездельем» и «высмеивает труженика». Именно безделье, по мнению крестьян, «одна из главных причин бедности». Лодыри, в отличие от бедных крестьян-тружеников, это «распустившиеся», «—бзвольные» крестьяне, «бедняки по призванию» [1, д. 1814, л. 138, 147; 3, д. 158, л. 4; 21, д. 3, л. 12].

«В настоящее время половина бедноты», – пишет вологодский крестьянин в «Крестьянскую газету», – это «фиктивная беднота», лодыри, «не желающие стремиться к поднятию своего хозяйства» и «порождается она от своего нерадения и пьянства»; «Этих людей я называю паразитами, они не только от трудового народа отнимают землю, но они и разлагают другое население» [21, д. 3, л. 49]. «Лодыря, лентяя, примазавшегося к бедноте, – по мнению одного из авторов писем в «Крестьянскую газету», – надо гнать в шею из рядов настоящей бедноты» [19, д. 21, л. 142].

В крестьянских письмах приводятся многочисленные «истории» деревенских бедняков-лодырей. В письме северодинского крестьянина в газету «Жизнь деревни» при описании «типичного бедняка», которого «крестьяне нашей деревни и ближайших деревень, знающие его, зовут лодырем», приводятся следующие характеристики: «не любитель работать», живет «весело, всегда почти пьяный и к тому же поигрывает в карты», свою «жалкую лачужку проиграл на баню» и в настоящее время «питается подаванием, за которым ходит его жена» [5, д. 1914, л. 142].

К «нетрудолюбивым» («лодырям») в деревне нередко относили и крестьян с достатком, если они «сознательно не связывают своей основной деятельности с землей», «не крестьянствуют». В представлении крестьянина только тяжелый, изнурительный труд в сельском хозяйстве и на промыслах (заготовка леса, охота и т.д.) был «честным трудом настоящего труженика». На крестьян, которые «спекулируют», «торгуют», «занимают всякие должности по лесному делу» и «отлынивают от земледельческого труда», смотрели в деревне, в том числе и «крестьяне из богатых, зажиточных, которые живут землей», как на лодырей [3, д. 158, л. 4; 19, д. 21, л. 472].

Среди «трудолюбивых мужиков», «коих в деревне большинство», крестьяне выделяют несколько типов хозяйств «по достатку»: маломощные (бедные), средние, зажиточные. В основе «достатка» труженика лежат «многосемейственность», «многолетний, личный упорный труд», «личные заслуги»; у труженика «все добыто упорным трудом по землепользованию, разумностью, трезвостью, знанием и опытом»; «избыток» у такого крестьянина «всегда производственного происхождения» [19, д. 21, л. 472].

В середине 1920-х годов крестьяне выделяют новый тип «честного труженика» – предприимчивого крестьянина, хозяйство которого «крепнет за счет культурных способов обработки земли с помощью кооперации» и называют его «показательным исправным мужиком» или часто используемым в газетах термином «интенсивник» [Там же, л. 485 – 485 об.].

К трудолюбивым относили и хозяйства «бедняков – трудовиков», которые много работают, но не могут выбраться из бедности, нищеты. Особенностью этого социального типа является, как правило, «временное состояние» и в деревне трудящихся бедняков нередко называли «временно ослабевшие крестьяне». Определяя причины бедности необходимо, по мнению крестьян, дать ответ на вопрос: «Почему он бедный?» [17, д. 16, л. 275; 20, д. 22, л. 53-54].

Бедность трудящегося мужика крестьяне часто связывают с понятием «разорение»: беднота бывает «от стихийных и других бедствий, и вообще не от него зависящих обстоятельств», «многие хозяйства разорились в годы войн (мировой и гражданской) и революции», «настоящая» беднота «стремится к поднятию своих хозяйств, но этому мешают стихийные бедствия и прочие несчастья». Бедность в семье происходит и от «нехватки рабочих рук», отсутствия в семье взрослых мужчин; к бедным относились и семьи «физических инвалидов», стариков. Бедность связывалась крестьянами и с разделами больших семей. «От чего бывает беднота?» – задает вопрос архангельский крестьянин в письме в «Крестьянскую газету». «Бедности способствуют, – по его мнению, – семейные разделы, после раздела недостаток всего... к тому же если нет умения вести хозяйство – то пропало все. А семья увеличилась – увеличилась и нужда. Хорошо, если человек успел устроить свое гнездо до увеличения семьи, а если нет?» [19, д. 21, л. 142; 21, д. 3, л. 12 – 14 об.].

Таким образом крестьяне выделяли два типа бедняков: «есть в деревне беднота, которая старается поднять хозяйство, хочет честно и добросовестно трудиться, но, не имея средств к поднятию производительности своего хозяйства, вынуждена влачить жалкое существование – это труженики», а есть и «такая беднота, которая не хочет трудиться и со дня революции умышленно не платит никаких налогов – это лодыри-лежебоки» [21, д. 3, л. 35 – 35 об.].

В середине 1920-х гг. прослеживается тенденция, ставшая преобладающей в крестьянских настроениях накануне коллективизации: объединение двух типов бедноты в одну группу – «бедняки-лодыри». Отношение в деревне к маломощным крестьянам как лодырям было реакцией сельского сообщества на стремление власти превратить бедняка в политического лидера деревни, освобождение их от выплаты налога и предоставление различных льгот («Соввласть лентяев поощряет, а трудовых крестьян притесняет»). Типичными для середняков и зажиточных крестьян становится высказывание: «бедняков вообще нет, а есть только лентяи и распустившиеся крестьяне», «Бедняки были в деревне до революции. Теперь земля поделена между крестьянами по едокам, все крестьяне пользуются ей одинаково, все поставлены в одинаковые условия, теперь есть лодыри, которые не хотят и не умеют трудиться на земле» [5, д. 666, л. 119, д. 667, л. 2].

Главным («интересным», «наиболее волнующим») вопросом, «злостью дня в деревне», обсуждаемым в крестьянских письмах и на деревенских собраниях был вопрос: «кто является кулаком» [4, д. 688, л. 18; 9, с. 24].

Авторы писем спрашивали: можно ли «судить о социальных признаках тех или иных лиц по имеющемуся у них имуществу», «можно ли сказать, что вот это хозяйство кулацкое, судя по тому, сколько в хозяйстве скота или другого имущества». В массе своей крестьяне считали: «ни в коем случае!». По мнению крестьян «одной статистикой лошадности и земельной обеспеченности тут не обойдешься», «всякого зажиточного величать кулаком нельзя, определять тип кулака по одному состоянию хозяйства не следует». Крестьяне полагали, что главный вопрос «не в том, сколько скота или другого имущества имеется в хозяйстве, а в том, как это имущество приобретается», «откуда он это взял», «каким путем создано благосостояние». «В своей деревне, всякий очень хорошо знает, кто, как нажил свое состояние. Эпитет кулака деревня адресует метко» [1, д. 1814, л. 128; 4, д. 1814, л. 128; 9, с. 41; 19, д. 21, л. 472, 485].

В 1920-е годы в деревне сохранилось возникшее еще в пореформенной российской деревне представление о кулаке как зажиточном крестьянине, нажившем богатство на закабалении односельчан и державшего весь «мир» (общину) в зависимости («в кулаке»). Кулаком (буржуем) в деревне называли крестьянина, имевшего нечестный, нетрудовой доход.

Типичными «разновидностями» кулаков в деревне считали ростовщиков, торговцев и спекулянтов. Происхождение и рост их богатства связывали с несправедливыми делами. Человек «добывающий себе средства на проживание путем торговли, как легкой и сплошь преступной наживы» называли в деревне «одним из самых позорных и нетерпимых видов кулачества». Крестьяне полагали, что «любая скупка и перепродажа есть спекуляция», которая и есть «главная примета кулака». «Торговец-спекулянт – это определенно мародер, кулак»; крестьянин, который «имеет лавочку, торговлю», «дает свои избытки в рост, под проценты» – кулак или буржуй. Признаком кулака считалось «наличие эксплуатации чужого труда, жизни за чужой счет». Крестьяне писали в «Крестьянскую газету»: «Кулаком считается в деревне всякий, кто эксплуатирует чужой труд. Крестьянин, занимающийся личным трудом, сколько бы он скота не имел, не может быть отнесен к категории кулак»; «эксплуатировал чужой труд, знать – буржуй, нет этих признаков, знать – наш» [9, с. 27, 77; 19, д. 21, л. 317 об.; 21, д. 2, л. 10 – 10 об.].

Однако не любое применение наемного труда однозначно оценивалось как эксплуатация. Крестьяне считали необходимым в каждом конкретном случае точно знать: «какие причины побуждали крестьянина в данный момент прибегать к наемному труду». В деревне различали «вынужденное» применение наемного труда и эксплуататорское («кулацкое»). «Вынужденным» признавались два вида найма: применение наемного труда бедными крестьянами («бедняки нанимают батраков, но нанимают вынужденно, потому что у них не нет рабочих рук») и наем батраков на сельскохозяйственные работы в хозяйствах, занятых на промыслах. «Кулацкий элемент» (буржуй), по утверждению авторов писем в газеты, это «крестьянин-земледелец, пользующийся наемным трудом, без которого мог бы обойтись и управиться силами своего хозяйства»; «если он преследует собственную выгоду» [9, с. 14, 29, 31, 60, 64]. Коми крестьянин в выступлении на собрании бедноты говорил, что кулаком надо считать того, «кто стремится быть на прибылях и использует наемный труд в целях исключительно большой прибыли» [7, д. 140, л. 2].

Для понимания особенностей крестьянской трактовки кулака следует учитывать особенности крестьянского восприятия эксплуатации. Под кулацкой эксплуатацией в обыденной жизни, по справедливому наблюдению М. И. Калинина, подразумевается «закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые являлись бы для основной стороны убыточнее средних сделок в этом роде» [12, с. 55].

Отношения между богатыми и бедными (соседская взаимопомощь или эксплуатация) оценивались с точки зрения их соответствия крестьянским представлениям о «должном» и «справедливом» и определяющей характеристикой зажиточного крестьянина было его отношение к соседям-беднякам. Поборы с бедного крестьянина не должны были слишком противоречить их собственному убеждению, сколько «справедливо» платить за услуги зажиточных. В деревне считали, что зажиточный должен брать «общественно-приемлемый процент».

Кулак тот, кто, «пользуется безвыходным положением односельчан для личного обогащения», «крепнет за счет выжимания пота из бедноты», «дает неимущему в аренду инвентарь или лошадь под высокий процент»,

«берет столько, сколько ему вздумается», «дерет двойные цены». Крестьянин, который «по-божески» берет за мешок зерна, данный бедняку весной, «по-божески» относится к наемному работнику, не считался эксплуататором и не назывался «позорной кличкой кулак». Крестьяне даже иногда называли такого крестьянина «кормильцем» [9, с. 27, 71, 73; 19, д. 21, л. 485 об., д. 29, л. 81].

Эта особенность крестьянского восприятия эксплуатации, отличающуюся от «официальной трактовки эксплуатации, зафиксированной в советских законах», отмечали многие местные работники. Они вынуждены были признать, что многие из крестьян, которые с их точки зрения были «эксплуататорами», «кулаками» и «буржуями» в деревне таковыми не считаются и часто «пользуются уважением, авторитетом, доверием и популярностью среди населения» [4, д. 205, л. 24, 65, д. 431, л. 9; 13, с. 25].

Таким образом, в понятие «кулак» в деревне в большей мере вкладывали моральное содержание и называли кулаком жадного человека, стяжателя, у которого «живодерские замашки», «кулацкая душа» («Не богатство, а его душу называют кулаком, если она у него кулацкая»). Если крестьянин щедр и добр – он не кулак, если скуп – «верный признак кулака». Кулак – это «мародер», «мошенник», «обирала», «миroeд». В массовом крестьянском сознании «кулак» – это одновременно и социальная характеристика и нелестное прозвище, «неприличная», «неприятная», «обидная», «позорная кличка» [2, д. 33, л. 493; 4, д. 759, л. 49; 9, с. 34, 36, 47, 53, 57, 59].

Среди дифференцирующих признаков, лежащих в основе взаимной идентификации крестьян, был признак «настроения» и «отношения к советской власти». В 1920-е гг. крестьяне редко относили в группу «кулаки» лишь по признаку «враг Советской власти». Некоторые авторы писем (бедняки или деревенские активисты), при описании эксплуататорских признаков кулака уточняли: «он везде и всюду является первым противником и критиком Соввласти». Иногда прямо указывалось: «Кулацкий слой – это вредный элемент для Республики, для этого элемента и Республика является не матерью, а злой мачехой» [19, д. 21, л. 456-458, 478].

Читая крестьянские письма 1920-х гг., автор встретил несколько необычное определение кулака: «бедняк-лодырь» – кулак. Это мнение связано, по-видимому, с усвоением крестьянами большевистских ярлыков «союзников» и «врагов» новой власти. В деревне многие считали, что «лентяи, лодыри, обиралы» – «главные враги», потому что они разоряют Советское государство, «от них нет никакой пользы государству». Крестьянин писал в газету: «Всякий бедняк, бедность которого, – будет доказано, – происходит от лени, разгильдяйства, пьянки и так далее, должен считаться врагом советской страны». «Кулаки, – по мнению автора другого письма, – это тунеядцы, которые всю жизнь никогда не работали до седьмого пота». Описывая хозяйство такого «тунеядца», который «стоит горой за укрепление на словах Советской власти», автор подчеркивает его бедность: «налоги он никогда не платил, да с такого грешно и брать, потому что у него никогда и ничего не бывает и не будет, потому что раз в месяц выходит на работу. Вот, по-моему – этот кулак и настоящий кулак». «Крестьянина-трудолика», который «в поте лица работает», крестьяне считали «союзником Советской власти», так как он «содержит государство, аккуратно платит налоги». Автор одного письма рассуждал так: «Не нужно смотреть так, что у кого есть хозяйство он уже кулак. Нет, хотя у него есть и даже приличное хозяйство, но он всецело предан Советской власти; тот, кто, наоборот, у кого нет ничего и не будет, тот чужд ей» [9, с. 27; 19, д. 21, л. 235-238, 397, 463, 529 об., 705].

В письмах середины 1920-х гг. автор не встретил ни одного утверждения, что в деревне нет социального неравенства и эксплуататоров. Высказывания крестьян, что «у них в деревне нет расслоения», об отсутствии в деревне кулака («нет кулака, а есть трудоики») появились в письмах лишь в период чрезвычайщины 1928-1929 гг. и были своеобразной формой протеста против «классового деления», проводимом сельскими и волостными налоговыми комиссиями и массового «закулачивания» деревни [4, д. 667, л. 2, д. 686, л. 29, 67; 17, д. 16, л. 117; 18, д. 21, л. 616].

Список литературы

1. Государственное учреждение «Государственный архив Вологодской области» (ГУ «ГАВО»). Ф. 2. Оп. 1.
2. ГУ «ГАВО». Ф. 1853. Оп. 11.
3. ГУ «ГАВО». Ф. 1853. Оп. 12.
4. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»). Ф. 1. Оп. 2.
5. ГУРК «НАРК». Ф. 2. Оп. 1.
6. ГУРК «НАРК». Ф. 47. Оп. 1.
7. ГУРК «НАРК». Ф. 618. Оп. 1.
8. Данилов В. П., Ивницкий Н. А. О деревне накануне и в ходе коллективизации // Документы свидетельствуют / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М., 1989. С. 8-50.
9. Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М.: Красная новь, 1924. 104 с.
10. Доброноженко Г. Ф. Социальная группа «кулаки» как объект научного анализа // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2012. № 2. С. 119-124.
11. Загоровский П. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928-1934. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1995. 196 с.
12. Калинин М. И. О деревне. Л., 1925. 84 с.
13. Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927 гг.): в 2-х ч. СПб., 2007. Ч. 1. 428 с.
14. Коллективизация: истоки, сущность, последствия: беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3-63.
15. Куреныхев А. А. Крестьянство России в период войн и революции 1917-1920 гг. // Вопросы истории. 1999. № 4-5. С. 148-56.

16. По материалам волконферений и совещаний групп бедноты в Онежском уезде // Большеви́стская мысль. 1928. № 12 (41). С. 24-25.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 2.
18. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3.
19. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 4.
20. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6.
21. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 7.
22. Рянский Л. М., Бочаров А. Н., Травкин А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация: учебное пособие. Курск, 1993. 51 с.
23. Таранин А. Б., Угроватов А. П. Дума о кулаке. Кулачество в общественном сознании и политике 20-х годов // ЭКО. 1997. № 1. С. 187-197.
24. Хатаевич М. Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования комиссией ЦК РКП(б) и ЦКК. Л., 1925. 86 с.

SOCIAL INEQUALITY AND IDENTIFICATION CRITERIA OF FELLOW VILLAGERS IN NORTHERN VILLAGE OF THE 1920S

Dobronozhenko Galina Fedorovna, Doctor in History, Associate Professor
Syktyvkar State University
g_dobronozhenko@mail.ru

The distinctive features of the peasant's social and psychological mindset, the village community's views on social and material differences, the interpretation of wealth and poverty sources, the particular perception of exploitation are considered basing on the peasant community's document analysis (letters to newspapers, complaints and petitions to authorities, community assembly minutes). Social differentiation criteria are revealed as exercised by peasants themselves and used by them to evaluate the social standing of fellow villagers; and social types that the village community's members believed to exist are determined. The transformation of the village community's views in the conditions of new social-political realia is shown.

Key words and phrases: objectivist and constructivist methodologies; peasant's mindset stereotypes; social identity; paupers and kulaks as collectively perceived by peasants; –allies” and –enemies” of the soviet power.

УДК 342

Юридические науки

Автор анализирует правовое закрепление института чрезвычайной ситуации в субъектах Российской Федерации, рассматривая региональное законодательство, продолжающее нормы Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Делается вывод о наличии существенных различий в правовом закреплении института чрезвычайной ситуации в субъектах. Предлагается внести унифицирующие изменения в законодательство субъектов Российской Федерации, закрепляющее институт чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова и фразы: чрезвычайная ситуация; актуальность; институт; правовое закрепление; структура; анализ.

Долина Татьяна Петровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
glr2om@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ®

В последнее время на территории нашей страны, как и в мире в целом, наблюдается увеличение количества чрезвычайных ситуаций.

При исследовании процессов и явлений наиболее распространён сравнительно-правовой метод. Он позволяет провести критический анализ в том числе положений правового закрепления института чрезвычайной ситуации в субъектах нашей страны.

Актуальность проведения данного анализа обуславливается и тем, что именно в регионах России происходит осуществление гражданами своих прав, их защита и восстановление в случае нарушения.

Основным (базовым) законом, закрепляющим и регулирующим положения об институте чрезвычайной ситуации в нашей стране является Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ) [5].

В развитие положений указанного закона, реализуя свои правотворческие полномочия, субъекты, как правило, разрабатывают и принимают региональные законы, уточняющие положения указанного федерального